

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	7
Из истории написания.....	9
Глава первая. Принцесса Линетт.....	16
Глава вторая. Воспоминания о детстве и юности Лины Кодина.....	42
Глава третья. Обучение вокальному искусству. Трудности. Этталь.....	63
Глава четвертая. Бракосочетание в Эттале. Рождение Святослава. Счастливая семья.....	83
Глава пятая. Гастроли в США в 1926 году. Поездка в СССР в 1927 году.....	103
Глава шестая. Возвращение в Париж. Рождение Олега.....	139
Глава седьмая. Предотъездные годы в Париже.....	156
Глава восьмая. Окончательный переезд в СССР в 1936 году.....	184
Глава девятая. Курортный роман. Уход Прокофьева. 1938–1940.....	231

Глава десятая. Война.....	272
Глава одиннадцатая. 1948 год.....	285
Глава двенадцатая. Тюрьма. Гулаг. Абезь	313
Глава тринадцатая. После лагеря. Отъезд из СССР. 1956–1974.....	332
Глава четырнадцатая. Мои встречи с Линой Прокофьевой	355
Глава пятнадцатая. Жизнь Лины Прокофьевой на Западе. 1974–1989	387
Источники	425

ОТ АВТОРА

Эта книга обязана своим появлением доброй воле всех тех, кто активным участием дал автору возможность написать ее.

В первую очередь я выражаю глубокую признательность сыну Сергея Сергеевича и Лины Ивановны Прокофьевых Святославу Сергеевичу Прокофьеву, который горячо откликнулся на инициативу рассказать правду о судьбе матери и оказал мне личную поддержку. Его подробное интервью пронизывает всю книгу, представленные им материалы – уникальны: речь идет о документах, неопубликованных письмах Сергея Сергеевича Прокофьева, воспоминаниях Лины Ивановны и многом другом. Святослав Сергеевич, Сергей Святославович и Сергей Олегович Прокофьевы взяли на себя труд прочесть рукопись и сделали бесценные для автора замечания.

Внуки Лины Ивановны Сергей Святославович и Сергей Олегович поделились фотоматериалами из семейных и личных архивов, ставшими незаменимыми иллюстрациями к образу героини.

Приношу также сердечную благодарность:
госпоже Ноэль Манн, куратору архива Прокофьева в Лондоне, открывшей путь к некоторым из его материалов;

господину Андре Шмидту, за его эмоциональный и остроумный рассказ о Лине Прокофьевой;

Дмитрию Николаевичу Чуковскому за моральную поддержку и веру в успех;

Софье Коровиной-Прокофьевой за ее рассказы о Лине Ивановне и Мире Александровне.

Особая благодарность – госпоже Наталье Новосильцов, в разговоре с которой родилась идея написать книгу о Лине Прокофьевой.

Валентина Чемберджи. XX век Лины Прокофьевой

В течение всего времени она поддерживала автора своей убежденностью в необходимости этой работы и вникала в хитросплетения прошлого и настоящего.

Спасибо моим первым читателям, мужу, дочери и сыну, они все время были со мной.

Путеводной звездой от начала и до конца служил автору «Дневник» Сергея Сергеевича Прокофьева.

ИЗ ИСТОРИИ НАПИСАНИЯ

Почему здесь и сейчас? Где начало истории? Оно скрывается в далеких временах – автору надо заглянуть в первую половину прошлого века, точнее, в сороковой, последний предвоенный год в Крыму, когда впервые перед глазами в ту пору четырехлетней девочки возникла героиня как некое сказочно прекрасное существо женского пола, притом цветное и пестрое – на фоне тусклых и унылых привычных одеяний окружающих. Пестрое и сверкающее. Чем? Глазами? Блестящими черными волосами? Драгоценными камнями? Всем!

Такой она увидела тогда Лину Прокофьеву, жену Сергея Прокофьева.

Потом грянула война, эвакуация, и все разъехались кто куда.

В 1942 году, еще в разгар войны, вернувшись с мамой из эвакуации в Москву, девочка пошла в школу, занималась своими делами, чуть что убегала во двор, где были сосредоточены ее интересы, а родители – композиторы – продолжали дружить с Сергеем Прокофьевым, перед которым преклонялись как перед гением, спустившимся на землю из других миров, совершенно особенным человеком, свободным, независимым, одаренным во всем, с чем он соприкасался, – великим композитором и пианистом, дирижером, писателем, шахматистом, бриджистом, путешественником, любимым во всех ипостасях. В доме постоянно звучала его музыка, а девочка ходила в Большой театр на «Золушку» и «Ромео и Джульетту» десятки раз.

Родители встречались семьями, но место пестрой красавицы рядом с Сергеем Сергеевичем заняла худенькая дама, обыкновенно в черном, ломкая тростинка, говорившая в нос, тихо и ласково. Мама называла ее Мира. Дружили, общались, вместе веселились, каждая встреча с Прокофьевым была для родителей источником огромной радости, гордости и восхищения.

Валентина Чемберджи. XX век Лины Прокофьевой

Невдомек было девочке, что тоненькая благожелательная женщина принесла драму в жизнь семьи Прокофьева.

Предвоенное видение куда-то исчезло.

А «Мира» приходила, приносила пирожные и письма от Прокофьева.

Прошло много лет, прежде чем Лина Ивановна Прокофьева снова переступила порог нашего дома. За двадцать лет большие несчастья потрясли ее семью. Муж оставил ее и женился на Мире Мендельсон. Музыка его была осуждена как вражеская и вредная для народа и запрещена к исполнению. Сама Лина в 1948 году была арестована и оказалась сначала в тюрьме, а потом в сталинских лагерях Заполярья. Сыновья остались одни, жили под присмотром друзей. В 1953 году умер Сергей Прокофьев, в один день со Сталиным. Лина вышла на свободу в 1956 году. Теперь она не была уже так молода и ослепительна. Но в выражении все еще прекрасного лица по-прежнему не было следов обыденщины, в Лине кипела жизнь, она шутила, смеялась, была по-прежнему «пестрая» в своем безупречном туалете, она приносила в дом праздник.

С начала шестидесятых годов и до самого отъезда Лины Ивановны из СССР в 1974 году нас связывала тесная дружба, и я никогда не переставала восхищаться ею, уже зная в самых общих чертах перипетии ее жизни. Однако мне ни разу не пришла в голову мысль, что надо описать эту одновременно прекрасную и трагическую жизнь.

Вмешалась судьба: Лина Ивановна воскресла передо мной на берегу Средиземного моря на четырнадцатом году моей жизни в Каталонии. Море всегда было страстью Лины Прокофьевой, у моря случился и первый разговор о ней с Натальей Новосильцов.

Наталья Новосильцов – профессор Барселонского университета, знаток русского искусства начала века и автор книги о нем, представительница русского старинного рода, с давних пор живущая в Испании. По радио «Каталония-музыка» (к слову, в первые годы моей жизни в Каталонии передачи этой радиостанции вызывали у меня такой восторг, что свой очерк о Каталонии, напечатанный в России, я назвала «Каталония-музыка») она услышала передачу,

посвященную Сергею Прокофьеву, из которой узнала о судьбе его первой жены – испанки, каталонки! Я рассказала Наталье Новосильцов о том, что дружила с Линой и с детства была знакома со всей семьей композитора. В разговоре с ней вспыхнула мысль, что мне надо непременно написать об этой замечательной женщине, испытавшей на себе величие и бедствия двадцатого века, ровесницей которого была.

Я начала с того, что поехала к Святославу Прокофьеву, старшему сыну композитора, живущему с 1991 года в Париже. Младший сын, Олег Прокофьев, скончался в 1998 году в Англии.

С волнением переступила я порог парижской квартиры Святослава, где среди множества дисков, книг, записей, видеопленок, картин, альбомов он продолжал жить со своими родителями, окруженный их портретами кисти Наталии Гончаровой, Остроумовой-Лебедевой, Шухаева. Стены просторной гостиной украшали полотна Петрова-Водкина, Малявина; я как бы вернулась в прошлое: ожил Сергей Сергеевич, молодой, блистательный, оживило и прекрасное видение детства. С портретов на меня смотрела Лина Прокофьева, много моложе, чем в сороковом году, когда я увидела ее впервые.

Святослав Прокофьев в полной мере выполнил предназначение сына великого композитора: его долгий и кропотливый труд над рукописями отца увенчался появлением двух томов «Дневника» Прокофьева, уникального в литературном, музыкальном и историческом смысле произведения, положившего конец бесчисленным недобросовестным и далеким от истины спекуляциям по поводу жизни и творчества композитора.

Прокофьев – замечательный литератор – и сам писал о себе: «Если бы я был не композитором, я, вероятно, был бы писателем или поэтом».

В дневнике Прокофьев открыто, точно и подробно, с отличным чувством юмора изо дня в день писал обо всем, что происходило в его жизни, начиная с сентября 1907 года и кончая июнем 1933-го. Но было бы напрасным делом пытаться описать дневник. Он существует.

На страницах дневника в 1919 году появляется и наша героиня – Линетт, Лина – будущая жена композитора. В своей опере

«Любовь к трем апельсинам» Прокофьев заменил имя Виолетты на Линетт в честь своей будущей жены.

Образ Лины был искажен в советской печати, что доставляло большие страдания ее сыновьям. Она жила лишь в памяти знавших ее людей – советские современники предпочитали не упоминать о ней. Вторая жена ни слова не говорит даже о ее аресте. В России не любят раскаиваться.

Святослав Прокофьев передал мне письма родителей, копии важных документов, подробно рассказывал о матери и дал свое благословение. В новогоднем поздравлении с 2005 годом он пишет мне: «Вам особое пожелание в успешном создании уникальной книги о моей маме. Да восторжествует справедливость!»

В Париже я встретила с внуком Лины, сыном Святослава, Сергеем, который живо рассказывал о своей бабушке.

Еще одного внука Сергея Прокофьева – сына Олега Прокофьева – я знаю больше сорока лет. В Москве мы жили в одном доме. Видный антропософ, обосновавшийся теперь в Швейцарии, он был свидетелем жизни Лины Ивановны и в Москве, и на Западе. Его рассказ об Авии (*avia* – «бабушка» по-каталонски) тоже помещен на этих страницах.

В лондонском архиве Прокофьева при Фонде, основанном Линой Ивановной, Наталья Новосильцов получила копии ее рассказов о годах, проведенных в СССР с Сергеем Прокофьевым, и о тюрьме.

Моя жизнь сложилась так, что я хорошо знала не только Лину Ивановну, но и Миру Александровну. Годы высветили многое в облике и характере этих двух, таких разных женщин, противоположных по всему своему складу. В отличие от Лины Ивановны, талантливой рассказчицы и собеседницы, не любившей писать, Мира Александровна была привержена к подробному, хоть и художественно невыразительному, изложению событий и своих впечатлений. Ее дневники опубликованы в 2004 году¹. Она стремилась подражать Прокофьеву

¹ *Мендельсон-Прокофьева М.А.* Воспоминания о Сергее Прокофьеве // Сергей Прокофьев. Воспоминания. Письма. Статьи. М., 2004. (Труды Государственного центрального музея музыкальной культуры имени М.И. Глинки).

и тщательно записывала происходящее, оставив нам хоть и богатые важными событиями, но в то же время саморазоблачительные документы, с печатью советского мироощущения. Нельзя, однако, забывать, что она стала женой Сергея Сергеевича, которому он любил и которая тоже по-своему любила его. Жена Цезаря...

В 1936 году Прокофьев вместе с семьей вернулся из Парижа на Родину, которую покинул в 1918 году. В разгаре сталинского террора он сразу же попал в орбиту внимания НКВД. Удивительно, что еще в 1925 году, когда советскому правительству, казалось бы, вовсе не было дела до музыкальных проблем, оно принимает решение: «разрешить С.С. Прокофьеву и И.Ф. Стравинскому приехать в СССР»². Престиж!

Власти ставили целью вернуть и сохранить в СССР декоративную фигуру гения, но не его брак со свободомыслящей иностранкой. Политика в отношении Лины не ограничилась только ее арестом – они пошли дальше: умело распуская среди интеллигенции разного рода слухи, полностью исказили ее образ. Пока она царила среди друзей, музыкантов, артистов, писателей, она вызывала лишь восхищение. Но вот она арестована! Исчезла на долгие годы. Ее нет. И тогда постепенно ее образ стал трансформироваться в не слишком отягощенную заботами о детях и муже экстравагантную любительницу светских удовольствий, к тому же еще и иностранку! Она уже была арестована по обвинению в шпионаже, уже находилась в Лефортовской тюрьме, а кумушки все судили да рядили о том, как она распорядилась своими драгоценностями. Лишь несколько самых верных друзей знали и помнили правду, но тогда ее нельзя было произносить вслух, а потом они умерли.

Фальсифицирован и ее собственный рассказ о жизни, оборванный почему-то на довоенном периоде, в сборнике воспоминаний о Прокофьеве, выпущенном в начале шестидесятых годов.

² Постановление Политбюро ЦК РКП(б) о возможности приезда в СССР С.С. Прокофьева и И.Ф. Стравинского от 21 июля 1925 года. № 72, п. 16. Заявление тов. Луначарского.

Скучная гладкопись напоминает только об одном жанре: передовице в газете «Правда». Советские штампы, клише в описании самых ярких событий парижского периода жизни так же далеки от реальной Лины, живой, брызжущей энергией, острой на язычок, как обвинение в шпионаже – от истины. И бездна патриотизма.

Но что, может быть, особенно хорошо удалось нашей прославленной организации, так это как бы вовсе вычеркнуть из жизни Прокофьева его первую жену. Они прожили вместе двадцать очень счастливых лет, но с появлением Миры Мендельсон с ее безупречной анкетой существование Лины начинает замалчиваться, и иностранные исследователи с удивлением замечают, что была у Прокофьева и первая жена, испанского происхождения, и он как будто бы был с ней вполне счастлив. Даже очень счастлив. Впрочем, есть и такие биографии, где нет ни слова о Мире, поскольку брак с ней не был законным.

Трагедия С.С. Прокофьева отчасти коренится в сущности его совершенно необычной личности. Гениальный композитор, умнейший и талантливейший человек, он остался доверчивым, цельным, нетронутым, скажем мягко, «особенностями» общества, в которое попал. Наивно верил в силу искусства, на которое никто не посмеет посягнуть. Он не задумывался о втором, третьем и тридцать третьем плане поведения окружающих. Трагедия Лины была такого же происхождения: постигнувшая чутьем, но не способная осознать до конца советскую действительность – иностранка! – она стала ее жертвой.

Лина Прокофьева сама редко касалась своих личных бед, она не любила воспоминаний о лагерях (называя их «Север»), и если мы идем на то, чтобы рассказать о ней, то только с целью восстановить справедливость по отношению к первой жене композитора, пусть даже после ее смерти. Она *была*, она жила, они любили друг друга, у них было двое сыновей. Может быть, Прокофьев не судил бы нас слишком строго.

Горестные события отнюдь не составляют единственную суть жизни Лины Ивановны. Она была любимой и любящей женой, артисткой, певицей, она дружила с великими мира сего, она знала, что такое западная элита, Европа, она узнала и что такое Россия, которую

Из истории написания

готова была полюбить и принять. Обо всем этом мы и попытаемся рассказать, основываясь на личном знакомстве, семейных архивах, «Дневнике» Прокофьева, записках и письмах самой Лины Ивановны, беседах со Святославом Прокофьевым и двумя внуками Лины Ивановны, ее друзьями, на документальных материалах, полученных в лондонском архиве при Фонде, основанном Линой Прокофьевой, и многом другом.

И начнем с самого начала.

*3 февраля 2005 года
Барселона*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРИНЦЕССА ЛИНЕТТ

Летом я обещал Linette, что принцесса Виолетта, для которой я совершенно случайно придумал имя, будет переименована в принцессу Linette. Сегодня, когда мы дошли до Виолетты, я объявил о переименовке Смоленсу.

– Это почему? – спросил он.

Я ответил:

– Так у Гоцци.

30 октября 1921 года

Счастье улыбнулось мне, когда, соединив дневник Сергея Сергеевича Прокофьева и архивные пленки воспоминаний Лины Кодина, удалось выяснить дату того концерта Сергея Прокофьева в Нью-Йорке, на который впервые пришла слушательницей юная Лина. Ей был двадцать один год, ему – двадцать семь.

Из дневника Прокофьева. 10 декабря 1918 года, Нью-Йорк

Сегодня еще две репетиции и вечером концерт в Карнеги. Зал полон, что необычайно для концертов Альтшуллера. Первым номером – Симфония e-moll Рахманинова, которую я прослушал с большим наслаждением. После симфонии автора, хотя он и прятался за спину жены, нашли и сделали ему овацию, заставив его встать и раскланяться.

Затем следовал ряд мелких оркестровых вещей, среди них мое «Скерцо для четырех фаготов». Сыграно оно было весьма бойко и так скоро, как я не ожидал.

Альтшуллер поставил его в программе впереди фортепианного концерта «для установления хороших отношений между публикой и мной». Публика действительно осталась довольна и даже требовала повторения.

Концерт прошел хорошо, и я был вызван семь раз. [...]

«Впервые я увидела Сергея Прокофьева, – рассказывает Лина, – когда он играл свой Первый концерт для фортепиано с оркестром в Карнеги-холле. Оркестр состоял в основном из русских музыкантов и дирижировал Владимир Альтшуллер. Я пошла на этот концерт благодаря маминной подруге Вере Дончаковой, известному биологу и биохимику, а также большой любительнице музыки. Она работала в крупной американской фармацевтической фирме. Несколько раз летом я провела у них каникулы в Вудс-хоул в Коннектикуте и была под сильным впечатлением боевого порядка поколений, выстроившегося за столом как в добрые старые времена.

Однажды Вера Дончакова позвонила маме и пригласила ее на концерт некоего молодого русского композитора и пианиста Прокофьева. Как его тогда только ни называли: большевистским декадентом и еще Бог знает как! Одни – футуристом, только что прибывшим из загадочной России, другие – интересным музыкантом, третьи – феноменальным виртуозом и так далее. Я выросла в музыкальной семье, училась пению, слушала много музыки, ходила на концерты и не могла пропустить такое событие. Впрочем, тогда это еще не считалось событием. Я услышала конец разговора, спросила, что происходит, и сказала: “О, я тоже очень хотела бы пойти”.

Это было 10 декабря 1918 года, и я помню только Первый фортепианный концерт и молодого композитора, который играл его. Я была ошеломлена! В жизни не слышала ничего подобного, ни в смысле ритма, ни в смысле той легкости, с которой он справлялся с текстом. Мне было около двадцати лет, и под огромным впечатлением я в конце хлопала как сумасшедшая. Две дамы встретили это исполнение вежливыми аплодисментами, а когда увидели мой энтузиазм, засмеялись и заметили: «Посмотрите-ка на нее! Должно быть, она влюбилась». Само собой понятно, как молодые люди реагируют в подобных случаях. Я страшно возмутилась и сказала: «Вы что, не

понимаете? Это потрясающе – какой ритм, какая красивая тема!» Они в ответ только рассмеялись.

Прокофьев был высоким, очень худым и очень красивым. Он был коротко острижен, по тогдашней моде. И после того, как сыграл, поклонился странным образом – из положения стоя вдруг как будто сложился пополам, как складной ножик.

Когда мы вернулись домой, меня стали поддразнивать, и я ужасно рассердилась.

Несколько дней спустя позвонили наши друзья Стали: Вера Янакопулос и ее муж Алексей Фёдорович Сталь, – до революции очень важная персона в России. Теперь они жили в Америке. Он не был красавцем, но отличался огромным обаянием.

Стали пригласили меня на сольный концерт Прокофьева в старом Эолиан-холле, а не в Таун-холле, как потом старались убедить меня многие люди.

Я ответила, что с удовольствием пойду, а они рассказали, что уже знают Прокофьева, что он интересный человек и они хотят познакомиться с ним. Я сказала, что мне очень нравится и его музыка, и как он играет, я с радостью пойду слушать его, но вовсе не собираюсь знакомиться с ним. Почему же нет – спросили они. И я ответила, что если я с ним познакомлюсь, то мама и все ее друзья начнут говорить: «Смотрите-ка! И она еще спорит, что влюбилась в него самого, а не только в его музыку и игру». Молодые люди очень чувствительны к подобным замечаниям старших.

Я все же пошла на концерт, не сказав об этом маме, насколько я помню. После концерта Стали захотели пойти в артистическую. Я сказала: «Вы идите, а я подожду вас здесь». Я была совершенно непреклонна. Потом ждала-ждала, они все не шли, и я решила, что прозвела их и пошла на поиски. В это время дверь в артистическую открылась, и кто-то вышел оттуда. Я заглянула внутрь. Сергей сделал несколько шагов вперед, поднял глаза и улыбнулся мне. Я улыбнулась ему в ответ. Он сказал что-то приветливое вроде: «Вот она где», – и нас познакомили. Потом мы все много болтали, я все-таки не была дикаркой. Тогда мы и заговорили с ним в первый раз. Это событие стало первым из невероятной череды последовавших – случилось! Разве можно было представить себе тогда, чем это кончится в буду-

щем? Предстоял длинный-длинный путь; но в случившемся было что-то правильное, может быть, потому, что я была брюнеткой, а он – блондином...»

Из дневника Прокофьева. 20 ноября 1918 года

Когда я пришел в Эолиан-холл, то зал оказался полным. Это было приятно. Я сейчас же вышел играть, был встречен овацией, но – проклятое тугое фортепиано!

Справившись с тугим новым «Стейнвеем», Прокофьев, как обычно, подробно рассказывает об исполнении каждого произведения.

Рахманинова я сыграл просто-напросто очень хорошо, а Скрябина менее честно с точки зрения точности, но очень эффектно 12-й Этюд. [...] Я был вызван десять раз во время перерывов. И восемь раз в конце, в том числе три бис'а. Затем меня повели в артистическое фойе при зале, где набилась масса музыкального народа и где меня восторженно поздравляли. Отрывали руку человек пятьдесят. Успех превзошел ожидания.

Стали заметили, что знакомство прошло удачно, и пригласили молодых людей провести с ними уик-энд в их доме на Стейтен-Айленде. Лина не ответила ни да ни нет. Они уточнили, что приглашают много гостей. Но даже при этом условии ее мама была недовольна такой идеей. Лина с трудом выпросила разрешение.

Так Сергей Прокофьев и Лина впервые встретились у общих друзей в домашней обстановке.

«Они снимали дом на Стейтен-Айленд, – рассказывает Лина. – Она была бразильской певицей по фамилии Янакопулос и пользовалась в это время очень большим успехом, а ее муж – русским, очень известным в России человеком. Я по сей день отлично помню Сталя, эту лису, с его рыжей бородой и узкими, блестящими, озорными глазами, улыбающегося мне через стол. Подумать только, в России он был членом Думы. В тот раз у них собралось всего несколько человек.